

Новые Известия. - 2002 -
— 31 авг. — с. 7.

«Доитель изнуренных жаб»

(Давид Бурлюк.
Николай Бурлюк.
Стихотворения. Серия
«Новая библиотека поэта».
СПб., «Академический
проект», 2002).

**Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»**

Их называли уважительно Бурлюками. Лентулов утверждал, что «Бурлюки» — это уже имя нарицательное, а не фамилия. Что-то очень похожее на «бурлаки». Они и были бурлаками русской поэзии XX века. Тянули баржу, груженную футуризмом. А уже вслед за ними впряглись в ту же лямку Маяковский, Хлебников, Пастернак, Крученых, Северянин и множество других славных бурлючат.

Их не понял даже Александр Блок. Записал в дневнике: «Эти дни — диспуты футуристов, со скандалами. Бурлюки отпугивают меня. Боюсь, что здесь больше хамства, чем чего-либо другого». О, наивный Александр Блок! Он просто не дожил до постмодернизма. Сегодня Бурлюки кажутся вполне академичными и приглаженными. Ну что тут особенного, что Давид был в цилиндре и фраке и, будучи слабым зрением, пользовался лорнетом? Обыгрывая одноглазость Бурлюка, Бенедикт Лифшиц назвал книгу своих воспоминаний о футуризме «Полтораглазый стрелец». А сам Бурлюк расправился со своим обликом еще свирепее: «Сатир несчастный, одноглазый, доитель изнуренных жаб».

Назвав прекрасное безобразным, а безобразное прекрасным, Давид Бурлюк перетряхнул всю эстетику. По сути дела он повторил в русском варианте подвиг Бодлера. Когда Бодлер написал свою «Пададь», ставшую классикой, он фактически доказал, что у красоты нет границ. Она присутствует всюду, распространяясь на хаос и безобразие. Более того, в хаосе и уродстве как раз и прячется новая красота. Выбитый в драке глаз Давида Бурлюка был превращен в символ. Ныне во все хрестоматии вошло его поэтическое заклинание: «Каждый молод, молод, молод. // В животе чертовский голод. // Так идите же за мной... // за моей спиной». Казалось, они никогда не состарятся. И действительно, футуристы не изведали старости. Маяковский застрелился, Хлебников умер от послетифозного паралича. Погиб в первой мировой войне брат Давида Бурлюка. Николай Сломил-ся Пастернак и проклял свою футуристическую юность. Где-то в московской клетушке прятался Крученых, повторяя, как заклинание: «Я не поэт, я букинист». Прозорливее всех оказался Давид Бурлюк. Быстренько слинял в Америку через Владивосток в незабываемом 1918 году. Там он преуспевал. Писал и печатал какую-то чушь. В хрущевскую оттепель приехал в Советский Союз, посетил музей-квартиру Маяковского. Оставил там снимок. Я это фото вскоре тогда увидел и был потрясен тем, насколько Давид Бурлюк утратил футуристический облик. Приличный упитанный господин в шляпе и ничего другого. Неужели это он, услышав сбивчивые стихи никому неведомого московского босяка Маяковского, воскликнул: «Врете! Вы автор. И вы гениальный поэт!» Он платил Маяковскому 78 копеек в день, чтобы тот мог творить, не думая о хлебе насущном. «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

Но Бурлюк откармливал Маяковского не только хлебом насущным, но и хлебом духовным. «Небо — труп! Не больше! // Небо смрадный труп. // Звезды — черви, пьяные туманом. // Звезды — черви, гнойная, живая сыпь!». Словно отвечая своему наставнику, Маяковский восклицает: «Послушайте! Если звезды зажигают, значит это кому-то нужно... Значит кто-то называет эти плевочки жемчужинами». Маяковский был гениальным поэтом и

звезды Бурлюку не отдал. Бурлюк был всем, в том числе и поэтом. Маяковский — только поэтом. Большая разница! Бурлюк сделал свое дело — Бурлюк должен уйти. И он ушел очень вовремя. В тот самый миг, когда кончилась революция в искусстве и началась революция. Революция в искусстве — это жизнь. Революция в жизни — это смерть. Бурлюк спинным хребтом почувствовал то, что не поняли ни Маяковский, ни Пастернак, ни Крученых.

Из-за океана Давид Бурлюк яростно клеймил капитализм. Называл «доблестными вождями» Ленина и Сталина. Словом, ничем не отличался по взглядам и лозунгам от оставшегося в совдепии Маяковского. Но Маяковскому за свои взгляды пришлось расплатиться кровью. Вексель Давида Бурлюка оплачен заранее теми 78 копейками, за которые он купил для России гения.

Давид Бурлюк сделал для русской поэзии то же самое, что Щукин для живописи, когда скупил в Европе лучшие картины импрессионистов. Картины, кстати, тоже были подвергнуты гонениям. Пушкинский музей со щукинской коллекцией Сталин закрыл, а картины упрятали в запасники. Слава Богу, не в камеры, как людей. Запрещена была и футуристическая живопись обоих Бурлюков. Их имена вычеркнули отовсюду. Казалось, о них никогда не вспомнят. В киноэпопее «Хождение по мукам» есть эпизод, где в салоне читаются стихи Давида Бурлюка, но имя автора, конечно же, не произносится ни в кадре, ни за кадром.

Футуристам не позволили состариться. Им даже не дали умереть. Выстрел Маяковского, конечно, потряс устои и заполнил грядущее молчание. Тот, кто призывал «расстрелять Растрелли», расстрелял самого себя. Вернее, его заставили это сделать. Это было убийство самоубийством.

Как отозвалось эхо рокового выстрела за океаном в сердце одноглазого сатира? Скорее всего, никак. Эстетика футуризма не подразумевала жалости. «Я люблю смотреть, как умирают дети» — это поэтический манифест Маяковского, под которым вполне могла бы стоять подпись его учителя Бурлюка. Смерть как таковая вообще не бралась в расчет. «Лет до ста расти нам без старости» И еще: «Смерть, не сметь!» Если кто-то считает, что это просто бравада, то он ошибается. Старость, смерть, болезни вычеркнуты из обихода. «У меня в душе ни одного седого волоса. И старческой нежности нет в ней. Мир огромив мощью своего голоса, иду красивый, двадцатидвухлетний». Как это перекликается с манифестом Бурлюка: «Каждый молод, молод, молод». Словом, футуризм — «это молодость мира, и его возводить молодым». Фашисты тоже пели: «Дрожат одряхлевшие кости, когда мы по миру идем». Это было всеобщее помешательство. Оно не имело отношения к реальному возрасту. Ленину было за 50, Гитлеру тоже. Футуристы были молоды в принципе. В литературе того времени старик — это только отрицательный персонаж. Футуризм не подразумевал существования времени. Время состоит только из будущего. В нем нет ни прошлого, ни настоящего. Никто не сомневался в том, что «мы покоряем пространство и время, мы молодые хозяева земли». Всегда молодые, вечно молодые. «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым». Эта идиотическая риторическая фигура — эхо манифестов раннего футуризма.

Я внимательно вглядывался в лицо Давида Бурлюка, посетившего СССР незадолго до смерти. На нем нет следов времени. Бурлюк выглядит здесь моложе, чем на снимках 1908–13 годов. Может, он действительно словесный алхимик, открывший эликсир молодости и вечной жизни по имени футуризм?